

DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-211-231

УДК 316.752

С. В. Березницкий

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6235-5542
E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

Этнокультурные проекции сакральных ландшафтов у коренных народов Амура и Сахалина*

АННОТАЦИЯ. Отечественные и зарубежные ученые (археологи, историки, этнографы, культурологи, специалисты в сфере палеоискусства, социальной и культурной антропологии) создали грандиозную историографическую базу, посвященную исследованию генезиса и семантики петроглифов, священных ландшафтов, природных и искусственных объектов, играющих важную роль в традиционной и современной культуре коренных народов Северо-Восточной Азии. Не менее важными представляются вопросы об идентификации современных этносов с реальными или воображаемыми авторами наскальных рисунков, с родовой или этнической принадлежностью священных ландшафтов. Этничность считается одним из важных признаков населяющего конкретный ландшафт общества, которое формирует и опосредует геокультурное пространство в этнокультурное (Морозова 2013: 309, 312). Сам ландшафт, результаты его осмысления также влияют на этничность и идентичность людей. Этнокультурный ландшафт можно считать конструируемым этнической культурой особым пространством, в котором воплощены материальные и духовные особенности конкретного этноса или его территориальной группы. В настоящее время исследование идентичности коренных малочисленных народов Евразии результативнее всего производить с включением в объектно-предметную сферу двух основных аспектов: этничности в ее устойчивом и трансформирующемся состояниях; этнокультурного наследия как основы идентичности (Головнёв, Киссер 2021: 80). В данной статье будет использован второй методологический подход: этнокультурные проекции как сложный механизм моделирования исторического и мифологического восприятия сакральных ландшафтов, феноменов идентичности коренных народов амуро-сахалинского региона, проблемы взаимодействия природы и культуры, геопространства и расселенного в нем этноса посредством знаково-символического контекста культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
этнокультурные проекции, сакральные ландшафты, коренные народы Амура

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Березницкий С. В.
Этнокультурные проекции сакральных ландшафтов у коренных народов Амура и Сахалина. *Этнография*. 2021. 4 (14): 211–231.
doi 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-211-231

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы ФПНИ по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.), проект «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (рук. А. В. Головнёв).

S. Bereznitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6235-5542
E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

Ethnocultural Projections of Sacred Landscapes Among the Indigenous Peoples of the Amur and Sakhalin

ABSTRACT. Archaeologists, historians, ethnographers, and social and cultural anthropologists have created a grandiose historiography base dedicated to studying the genesis and semantics of petroglyphs, sacred landscapes, and natural and artificial objects that play an important role in the traditional and modern cultures of the indigenous peoples of Northeast Asia. No less important are the questions of identifying modern ethnic groups with the real or imaginary authors of rock paintings, or with the ancestral or ethnic affiliations of sacred landscapes. Ethnicity shapes a geographical space into an ethno-cultural one (Morozova 2013: 309, 312). The ethno-cultural landscape can be considered a special space constructed by an ethnic culture, in which the material and spiritual features of a particular ethnic group or its territorial group are embodied. Currently, studying the identities of the indigenous small-numbered peoples of Eurasia is most effective with the inclusion of two main aspects in the object-subject sphere: (1) ethnicity in its stable and transforming states and (2) ethno-cultural heritage as the basis of identity (Golovnev, Kisser 2021: 80). This article uses the second methodological approach, addressing ethno-cultural projections as a mechanism for modeling historical and mythological perceptions of the sacred landscapes, as well as the phenomena of identity of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin Region.

KEYWORDS: ethnocultural projections, sacred landscapes, indigenous peoples of the Amur

FOR CITATION: Bereznitsky S. Ethnocultural Projections of Sacred Landscapes Among the Indigenous Peoples of the Amur and Sakhalin. *Etnografia*. 2021. 4 (14): 211–231. doi 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-211-231 (In Russ.).

Сущность и структурные компоненты понятия «сакральный ландшафт», его соотношение с особенностями этнических культур рассмотрены в многочисленных трудах отечественных и зарубежных исследователей (Окладников 1971; Casey 2001; Веденин, Кулешова 2004; Культурный ландшафт 2004; Лапшина 2005; Ласкин 2005; Mark 2010; Landscape and culture in Northern Eurasia 2011; Jordan 2011; Lavrillier 2011; Anderson 2013; Воловик 2013; Дутчак 2013; Окладникова 2014; Алексеева 2016; Давыдов и др. 2016; Lavrillier, Gabyshev 2017; Мамонтова 2017; Дэвлет, Ласкин 2019; Мальцева 2018; Головнёва, Шанта 2019; Латушко и др. 2019; Подмаскин 2020; Гуров 2020). Е. А. Окладникова понимает феномен сакрального ландшафта Северной Евразии в качестве особой части ойкумены, которая была сформирована одновременно как реальное географическое и как воображаемое мифологическое пространство с помощью создания петроглифов, различных ритуальных сооружений (Окладникова 2014: 5, 22–29 и др.).

М. Элиаде ввел в научный оборот термин «иерофания», которым обозначил сакральную часть окружающего человека профанного мира (Элиаде 1994: 9; 2000: 26). Свообразным продолжением этой концепции стала парадигма иеротопии, понимаемой как процесс создания сакральных ландшафтов в качестве воспроизводства первоначального, мифологического сакрального пространства (Лидов 2009: 6–7). Иеротопия включает священные изображения, разнообразные архитектурные формы, обрядовые жесты, ольфакторные компоненты, аспекты исторической памяти, связь этноса с конкретным священным местом и с происходившими здесь событиями — профанными или сакральными.

В. Н. Топоров рассматривал концепцию места в качестве особого хронотопа, отличающегося в своей сущности мифопоэтического архаического сознания от физического пространства идей наполненности (Топоров 2004: 13–15, 27–30; Степанов 2016: 199–220). Феномен наполненности основан на трех компонентах: вещь, человек, деятельность, при этом само место является структурным элементом этнической картины мира. Подобно этому П. Бурдьё подчеркивал отличие физического пространства от социального или присвоенного наличием в последнем разнообразных контекстов, функционирующих метафор и ментальных структур (Бурдьё 2007: 49–53).

Для российского этнокультурного ландшафтоведения характерно исследование социальных и символических аспектов в процессе конструирования освоенного пространства, ландшафта через повседневные практики. Приоритетным считается представление о ландшафтах через призму исторических процессов, о ландшафтах, наделенных смыслами, ценностями, материальностью и традициями. При этом наблюдается важная взаимосвязь: люди создают ландшафты, которые, в свою очередь, во многом определяют идентичность и модели адаптации людей в ходе жизни общества (Калуцков 1998: 6–13; 2011; Поворознюк 2007: 188–208;

2016: 311; Пахомова, Лукина 2018: 72; Лукина, Пахомова 2019: 83). Человек в процессе познания окружающего мира наполняет сакральным значением природные объекты. В процессе адаптации этноса к окружающей среде появляются условия для построения этнической картины мира, которая нередко возникает как бессознательный и специфичный для конкретной культуры феномен.

Культурный ландшафт определяется как сотворчество человека и природы, как процесс соединения историко-культурных и природных компонентов. В научный оборот термин «культурный ландшафт» ввел, а также разработал одноименную концепцию немецкий ученый К. О. Зауэр. Он понимает этот термин как пространственное отражение накопленной эволюции культур в определенной местности или своеобразную проекцию культур на природный ландшафт (Sauer 1925: 19–53; Мастеница 2015: 44).

В методологическом плане исследование идентичности коренных малочисленных народов Евразии результативнее всего производить с включением в объектно-предметную сферу двух основных аспектов: этничности в ее устойчивом и трансформирующемся состояниях; этнокультурного наследия как основы идентичности (Головнёв, Киссер 2021: 80). В данной статье будет использован второй аспект: этнокультурные проекции как сложный механизм моделирования исторического и мифологического восприятия сакральных ландшафтов, феноменов идентичности коренных народов амуро-сахалинского региона.

Представитель конкретного этноса в процессе познания мира воспринимает через органы чувств окружающие сакральные ландшафты (природные или рукотворные), проецирует на себя их образы, перерабатывает в своем сознании полученную информацию, усложненную историческими и мифологическими контекстами, и создает этнокультурную модель ментального образа ландшафтов. Полученная модель оказывает влияние на индивидуальную и коллективную этничность и идентичность. Чаще всего это проявляется в желании удревнить историю своего этноса или рода, увеличить прежнюю численность сородичей, расширить их этническую территорию, в убежденности в родовом или этническом приоритете в авторстве искусственных сакральных ландшафтов, в дальнейшем наполнении природных объектов сакральным и мифологическим смыслами.

В окрестностях поселений тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) расположены природные скалы и утесы, выделяющиеся своим уникальным внешним видом. Особое осмысление их облика привело к особым практикам, сложившимся вокруг них: в этих местах проводятся умиловительные и иные ритуалы (приношение даров для обретения

удачи в промыслах и здоровья членов общества). Генезис рукотворных объектов, петроглифов связывают с двумя группами «авторов». Одна — сверхъестественные существа, мифические предки, основатели конкретных родовых подразделений. Другая — потенциально реальные предки, которые проживали на этом месте еще в каменном веке и оставили о себе память в виде разнообразных рисунков. Осознание наличия данных объектов на своей территории, проецирование ментальных образов об их происхождении в виде легенд и исторических фактов вызывают у коренных народов гордость, особую этнокультурную идентичность, помогают сохранять и транслировать родовую память.

Важным компонентом этого контекста является выяснение сущности феномена «этнокультурная проекция». Она понимается как сложный процесс перенесения свойств внешнего объекта (в данном случае сакральных ландшафтов) на менталитет людей, а также как интроекция, то есть специфический механизм встраиваемости окружающего пространства во внутренний мир человека. В процессе подобного мышления человек выходит за пределы своего чувственного понимания и начинает познавать явления внешнего мира, которые непосредственно ненаблюдаемы. Сфера культурного ландшафта представлена социоприродными и знаково-символическими формообразованиями. Природная система ландшафтов в результате антропогенной нагрузки наполняется пространственными представлениями и кодами культуры (Калинина, Тикунова 2018: 11).

Этнокультурная проекция проявляется в определенной этнической среде через механизм подражания не только старшему поколению, но и далеким предкам, нередко легендарным. Индивид копирует стереотипы поведения этнической общности как доминирующие ценности. Определенное влияние на этот процесс оказывают конкретные исторические предпосылки, общественные потребности осознания родства или идентичности для солидаризации этнической общности.

Дополнительной детерминантой является этноконфессиональный объединяющий фактор, особенно если он связан с сакральными природными объектами, с особо почитаемыми частями ландшафта. Ландшафтно-этническая идентичность позволяет человеку проецировать на себя качества представителя конкретной местности, для которой характерны свой диалект языка, свои нравы, обычаи, менталитет, этническая картина мира, мифология.

В соответствии с Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия (World Heritage Cultural Landscapes) выявляются три основные категории культурных ландшафтов: целенаправленно

созданные или рукотворные; естественно развившиеся в результате антропогенной деятельности и природной эволюции; ассоциативные — сакральные места, ассоциирующиеся с каким-либо феноменом культуры. Подобные объекты культурного наследия включают произведения человека или определенной культуры, образец ландшафта как результат взаимодействия человека и природы, связанный с историческими событиями, традициями и верованиями (Мастеница 2015: 43).

Все сакральные объекты коренных народов амуро-сахалинского региона можно классифицировать на три группы. Первая включает не только отдельно стоящие скалы, утесы, имеющие антропо- или зооморфный облик и четко идентифицированные легендами, мифами с конкретным этносом, но даже целые материки и острова. Так, орочи и удэгейцы представляли землю человеком с головой на северо-востоке, ногами на юге и руками на востоке и западе (Архив ПЦРГО-ОИАК. Д. 11: 21). Остров Сахалин, по традиционным воззрениям нивхов, — это огромная кета, плавающая в море: полуостров Шмидт — голова этой рыбы, мысы Анива и Крильон — хвост. Нивхи угощали остров-рыбу и просили удачи на промысле и в жизни. По другим данным, сахалинские нивхи представляли остров человекоподобным существом с головой на севере и ногами на юге (Таксами 1976: 204).

В эту же категорию входят скалы Старик и Старуха на реке Иман в Приморском крае. Местными удэгейцами эти скалы считаются окаменевшими от горя родителями, не сумевшими пережить утрату сына, утонувшего в реке. У тумнинских орочей имеется комплекс культовых скал, считающихся сверхъестественными прародителями всего ороцкого этноса. Священные скалы под названиями Дедушка и Бабушка расположены на противоположных берегах устья реки Тумнин. В настоящее время орочи семьями посещают священные скалы и «угощают» их для обретения удачи в жизни.

До сих пор в памяти амурских нанайцев сохраняется удивительный сплав реальных исторических фактов, мифологических сюжетов, родовых легенд и сказаний о Джаринском утесе, расположенном в окрестностях нанайского села Джари на правом берегу Амура, на два километра выше села Троицкого — центра Нанайского района Хабаровского края (ПМА 2021). Стойбище Джари упоминается в отчетах казаков, в частности Онуфрия Степанова в середине XVII в. Некоторые нанайцы убеждены, что на этом утесе в XIII в. находилась ставка одного из монгольских ханов, в XVII в. на этом месте построил укрепление отряд Е. П. Хабарова для защиты от местных нанайцев, пытавшихся выгнать казаков с Амура. В конце 1970-х — начале 1980-х годов на утесе проводились

археологические исследования чжурчжэньского городища¹ экспедицией Сибирского отделения Академии наук под руководством В. Е. Медведева. Раскопки на утесе Джари позволили ученым сделать вывод о том, что местное население жило здесь непрерывно со времен неолита, сохраняя экономическую и культурную преемственность.

Часть современных местных нанайцев идентифицирует себя с чжурчжэнями как прямыми предками, другая часть убеждена в том, что нанайцы всегда жили на этом месте, в том числе и во времена чжурчжэней, занимаясь рыболовством и охотой (ПМА 2021). Найденные археологами артефакты ассоциируются нанайцами с родной культурой: каркасно-столбовые жилища полуподземного типа, кановая система отопления, орудия труда, оружие, металлическая культовая скульптура, на которую проецируется функция защитников традиционного жилища — дюлинов.

Требует дальнейших исследований включение современными нанайцами в родную культуру сельскохозяйственных орудий (мотыг, плугов), овощей (ПМА 2021), так как в языке тунгусо-маньчжуров, в фольклоре, мифологии не зафиксировано терминов и понятий, связанных с аграрными культурами, с угощениями сезонных божеств, владеющих сельскохозяйственными угодами, с названиями сельскохозяйственных орудий и технологий, культурных знаков и т. п. В соответствии с этнокультурными особенностями хозяйственного типа указанных этносов они традиционно не занимались земледелием, выращиванием злаковых культур, разведением домашних животных, производящих молочную продукцию. Такой специфический для охотников и рыболовов вид хозяйствования, как огородничество, проник к ним в виде инокультурного компонента от соседних народов Восточной Азии в результате межэтнических контактов

¹ История и культура амурских чжурчжэней, чжурчжэньская эпоха (1115–1234 гг.) наполнены сведениями о тунгусоязычных чжурчжэнях (нуйчжэнях, нуйчжах), проживавших на территории северной Маньчжурии и на опустевших после завоевания ими бохайских землях. Средневековые империи, государства бохайцев и чжурчжэней активно контактировали с восточными цивилизациями (Китаем, Монголией, Кореей, Японией), о чем свидетельствуют сохранившиеся знания о былой торговле, отдельные инокультурные предметы быта и мировоззрения, мифологические сюжеты и разнообразные заимствованные жанры фольклора. Бохай — первое государство на территории Приморья, Маньчжурии, Северной Кореи. Оно граничило на севере с племенем хэйшуй мохэ, на северо-западе — с монголами (шивэй), на юго-западе — с киданями, на юге — с корейцами государства Силла. В государстве Бохай проживали племена мохэ, когурё, айны, китайцы и другие этносы, которые занимались земледелием, животноводством, шелководством, охотой, рыболовством, ремеслами. В 926 г. Бохай был разгромлен киданьской империей Ляо (907–1124) (Государство Бохай 1994). Во второй половине XI в. усиливается процесс объединения племен вокруг чжурчжэньского племени Ваньян для борьбы с киданями. В 1115 г. возникла Золотая империя чжурчжэней (по-китайски — Цзинь) в годы правления вождя Агуды, который принял титул императора. Через десять лет чжурчжэни окончательно разбили киданей, захватили весь северный Китай. В период расцвета Чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России, часть северного Китая и северной Кореи (История Золотой империи 1998; Медведев 1977: 16 и др.; 2015: 172–195; 2012: 56–66; 2020: 7–20; Забияко 2019: 94–103).

в качестве основы для выращивания табака, овощей, плантаций женьшеня. С середины XIX в. земледелие стало широко распространяться в регионе вслед за славянскими переселенцами.

Отдельным нанайцам природный объект Джаринский утес представляется священным медведем — сверхъестественным предком, вышедшим из тайги и склонившимся, чтобы попить воды из Амура.

Во вторую группу включены священные скалы, на принадлежность которых к конкретной культуре указывают представители нескольких этносов. В частности, к таким скалам относятся Орочка/Нанайка и Богомол, расположенные в окрестностях железнодорожной станции Тулучи по ветке Владивосток — Советская Гавань в Ванинском районе Хабаровского края. Первая скала удивительно напоминает лицо человека. Местные орочи называют ее Старая орочка, нанайцы и другие народы — Старая нанайка. Легенды об этой скале отличаются ярко выраженным этническим характером. «Этническое поле» скалы, которую называют Богомол, еще более широкое, так как ее почитают практически все охотники и собиратели дикоросов. Имеется постановление главы Ванинского района об охране этих уникальных памятников природы и мероприятиях по комплексному развитию экологического туризма в этой местности (Постановление главы Ванинского района).

Скала у села Тыр в Ульчском районе Хабаровского края своим величием всегда привлекала внимание нанайцев, нивхов, негидальцев, ульчей, эвенков, играя большую роль в их верованиях. Это место было связано с образом живущего в пещере хозяина утеса. Каждый информант обязательно и категорично заявлял, что этот старик принадлежит к этносу или даже роду рассказчика. Хозяина угощали перед промыслом, просили хорошей жизни душам утонувших людей, шаманы устраивали здесь камлания. По приказу китайского императора на скале в XV в. была возведена кумирня вечного спокойствия (Пермикин 1856: 67–69; Артемьев 2005), в советское время в этом уникальном месте принимали пионеры, проводили различные общественные мероприятия. При этом каждый этнос включал этот утес в свою этническую культуру в качестве не только природного, но и культового объекта, долгие годы играющего важную роль даже в международной истории региона.

Определенное влияние компонентов китайской культуры можно выявить также при анализе представлений иманских удэгейцев об их священной скале Гугя. В середине 1970-х годов А. Ф. Старцев записал предание об этой скале (Архив ДВО РАН. Д. 45: 71–77). В предании говорится, что распространенный здесь культ связан со стариком по имени Гугя, который пришел к удэгейцам со стороны соседнего Китая, поселился в пещере в скале, позже названной удэгейцами его именем, и по некоторым причинам окаменел. В языках эвенков, негидальцев, удэгейцев термин «гугдакта» (гугдан, гогдакта) означает «горный хребет, высота,

вершина» (Сравнительный словарь 1975: 166). В 1997 г. бикинская удэгейка Е. И. Кялундзига рассказала вариант предания об этой скале, в котором главный персонаж был китайским священником. После того как он окаменел, китайцы принесли ему угощения (пампушки, китайские свечи) и научили местных удэгейцев ритуалу обретения счастья, удачи в жизни и на промысле, здоровья. Имеется еще один вариант легенды, по которому старик был по этнической принадлежности тазом (Березницкий 1998: 118–125).

В окрестностях села Сикачи-Алян (Хабаровский район Хабаровского края) есть священная для всех нанайцев скала Деломо мама (Каменная бабушка). Еще одна священная скала, Дэхада мама, со сходным статусом находится у села Верхний Нерген (Нанайский район). По верованиям нанайцев, эти скалы вытащил из воды богатырь Онго, который впоследствии окаменел. На скалах имеются следы от огня, об их происхождении рассказывается в предании о визите на Амур китайского принца: его одежда воспламенилась и обожгла камни. Таким образом, генезис культа скал связан с нанайскими богатырями, но под влиянием контактов с китайцами появилась поздняя иноэтническая интерпретация.

Третья, самая многочисленная, группа представлена природными объектами с нанесенными на них петроглифами. В XIX–XXI вв. в бассейнах рек Усури, Амур и их притоков были обнаружены, а затем изучены тысячи подобных памятников. Петроглифы со сходными историко-культурными, технологическими и художественными характеристиками объединены в амуро-уссурийскую провинцию наскального искусства. Самый известный и масштабный комплекс петроглифов, воплотивших в символическом виде мифологию амурских этносов, расположен на правом берегу Амура, у нанайских сел Сикачи-Алян и Малышево. Эстампажи, зарисовки, планы, фотографии этих петроглифов, включающих разнообразные объекты реального и мифологического миров, животных, узоры и т. п., многократно публиковались (Окладников 1959; 1968; 1971; Ласкин и др. 2005: 154–162; 2018: 244–255). Несколько местных учреждений культуры занимаются приемом и сопровождением многочисленных туристов, желающих увидеть знаменитые памятники. По расчетам археологов, древнейшие из петроглифов, сделанные с помощью каменных орудий и изображающие мамонтов и диких лошадей, датируются 12 тыс. до н. э.; самые поздние сделаны 5 тыс. лет назад железными инструментами. Рисунки являются важным материалом для изучения образа жизни и верований древних «живописцев».

Ответы местных нанайцев по поводу генезиса петроглифов Сикачи-Аляна и Малышево можно классифицировать на четыре основные группы (ПМА 2021). Первая, самая многочисленная, включает мнения о том, что рисунки сделаны общими предками всех нанайцев. В соответствии с другим мнением, рисунки выполнили именно нанайцы, что подтверждается

информантами с помощью аргумента о тождестве узоров на петроглифах и их орнамента, о связи петроглифов с канонами танцевального искусства, философией, гидродинамикой амурских волн, музыкальным фольклором, хореографией, биомеханикой и архитектоникой танцев. Третья точка зрения: авторство петроглифов принадлежит древним амурским жителям, этническая принадлежность которых пока неизвестна. Чаще всего так отвечают учителя, работники культуры. Четвертая группа: рисунки сделали культурные герои, мифологические персонажи во времена космогонии, в момент существования в небе трех солнц, от жара которых размягчались камни. Широко известный миф о трех солнцах повествует о том, как герой по просьбе людей убивает стрелами из лука лишние светила. В нивхском варианте этого мифа герой перемещается по Вселенной верхом на крылатом олене, создает горы и реки (Крейнович 1929: 81, 83, 89–90; Окладников 1959: 38–47; Никитина 1982: 13; Яншина 1984: 106–107; Сем 1997; Сем, Окладникова 2021). Возможно, этот сюжет попал в культуру нивхов от тунгусо-маньчжуров.

Устойчивый этнокультурный маркер зафиксирован на нижнем Амуре на скале в районе села Калиновка (Ульчский район Хабаровского края). Петроглифы каменного века, изображающие лодки с гребцами и веслами, связаны с этнонимами «гиляк», «гилэкэ», «гилями», «гилыми» ('люди, передвигающиеся при помощи парных весел на больших лодках'), с рекой Амур как важной круглогодичной транспортной магистралью, с амурской лодкой (Таксами 1975: 4). Местные нивхи убеждены в том, что на этой скале изображены их прямые предки.

На отвесных скалах, расположенных по течению реки Мая (правый приток Алдана), экспедицией под руководством А. П. Окладникова было изучено восемь групп рисунков охрой (Окладников 1971; Мазин, Окладников 1979). Рисунки датируются эпохой бронзы — ранним железным веком: II–I тыс. до н. э. На писанице изображены фигуры лосей, неопределенных зооморфных существ, антропоморфные существа с округлыми головами, в причудливых головных уборах, со слегка согнутыми руками, расставленными ногами. Некоторые фигуры имеют солярные символы в виде лучистой окружности с точкой в центре. Для некоторых алданских писаниц характерно наличие культовых мест, сходных с местами в южной Якутии, Забайкалье и Приамурье: местные коренные народы почитают эти скалы как сакральные объекты.

На наскальных писаницах на правом берегу реки Сукпай, в 13 км от ее впадения в реку Хор (приток Уссури) в районе имени Лазо Хабаровского края, сохранились рисунки охрой, иллюстрирующие отдельные аспекты духовной культуры, шаманства и изображающие всадников, речные средства передвижения, которыми пользовались предки коренных народов юга Дальнего Востока (нанайцев, удэгейцев и др.). Эти петроглифы относятся к периоду от раннего железного века (I тыс. до н. э.)

до Средневековья (I тыс. н. э.) (Дьяков 1990: 229–230, 226; Дьяков, Дьякова 2000: 28). Трехъярусная композиция состоит из одиннадцати изображений. Верхняя группа представлена изображением лодки с сидящими в ней восемью антропоморфными фигурами; под лодкой нарисован всадник верхом на животном, объединяющем в своем облике лошадь, лося и оленя. В средней части композиции — две антропоморфные фигуры, лодки и всадник. В нижней части изображен всадник и четыре антропоморфные фигуры с выступами на голове. Исследователи предполагают возможную связь композиции с шаманскими верованиями о делении мира на три яруса со своими обитателями.

Для раскрытия указанной выше темы наиболее важными представляются следующие аспекты этой писаницы. Петроглифы отождествляются с искусством нанайцев, удэгейцев, ульчей и других народов амуро-сахалинского региона (История Дальнего Востока: 74). Сами хорские удэгейцы настаивают на том, что они произошли от неолитического населения, проживавшего вдоль рек Хор и Сукпай, представители которого и оставили эти рисунки на вертикальных скалах около двух тысяч лет назад. Более того, выявляется даже родовая принадлежность этого священного этнокультурного памятника древности. По мнению местных удэгейцев, петроглифы связаны с современным удэгейским родовым подразделением Кимонко (Berezniisky 2004: 121). В целом концепция этногенеза удэгейцев, в том числе и хорской их группы, включает аборигенный пласт, состоящий из носителей таежной и прибрежной, морской культур. Часть удэгейского этноса могла входить в этническую общность чжурчжэней, либо часть чжурчжэней сыграла роль этноконсолидирующего фактора предков удэгейцев. При исследовании этногенеза удэгейцев выявляется тунгусский пласт, заметны культурные компоненты монгольского, айнского, маньчжурского и других этносов. С середины XIX в. удэгейцы находятся в сфере активных этнокультурных процессов и подвержены мощному влиянию славянской культуры, равно как и другие этносы амуро-сахалинского региона.

Таким образом, рассмотренные сакральные, антропогеокультурные ландшафты, скалы, утесы, камни с петроглифами как сложные феномены, созданные совместными усилиями природных стихий и фантазии человека, стали основой для этнокультурных проекций, для создания особой исторической памяти, мифологических наслоений, выступающих в качестве связующей нити между людьми каменного века, Средневековья и современными тунгусо-маньчжурами и палеоазиатами. Этнокультурные комплексы, священные ландшафты, природные и рукотворные объекты представляют региональное сакральное пространство древности, Средневековья и Новейшего времени. Сакральные ландшафты, музеи под открытым небом, выступают средоточием коллективной исторической памяти этноса, первоисточниками знаний о культуре народа.

В результате этнокультурного проецирования происходит перенесение человеком на самого себя качеств окружающего мира. Взаимосвязь этнокультурной проекции с этнической идентичностью позволяет индивиду концентрировать в себе исторические знания о развитии своего этноса, о влиянии на этот процесс природных условий, климата, ландшафта. Механизм этнокультурной проекции, моделирования исторических и мифологических знаний о сакральных ландшафтах во многом основан на сравнении своего этноса с другими, на представлении своего общества в наиболее благоприятном свете, что связано с пониманием таких компонентов культуры, как древность происхождения, численность, размер занимаемой территории, длительность этнокультурных связей, богатство традиций.

Сравнительный анализ степени влияния сакральных ландшафтов и связанных с ними этнографических данных на современную культуру тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов позволил выявить специфику развития и трансформации этнокультурной идентичности. Убеждение коренных народов в том, что изображения на скалах делали их прямые предки, приводит их к пониманию о чрезвычайной древности своего этноса, к осознанию своих приоритетных прав на уникальное пользование природными ландшафтами на этих территориях. Большое количество мифологических текстов, рассказывающих о временах, когда на небе было несколько солнц, от тепла лучей которых становились мягкими скалы (и, следовательно, на них можно было рисовать), связывает амуро-сахалинский регион с духовной культурой других этносов Северной Евразии.

Этнокультурные проекции, возникшие в результате мировоззренческого осмысления священных ландшафтов, необходимы современным тунгусо-маньчжурам и палеоазиатам для укрепления самосознания и этнокультурной идентичности, для улучшения процесса сохранения и трансляции различных видов материального и нематериального культурного наследия новым поколениям. Наскальные рисунки играли важную роль в традиционном обществе коренных народов южной части Дальнего Востока России, они и сегодня являются важным элементом той или иной этнической культуры. Не менее важным компонентом во взаимосвязи сакральных ландшафтов с этнокультурными проекциями можно назвать создание эффективной реакции в качестве ответа на современные глобальные вызовы, на изменения демографической ситуации, на стремительное появление в России (в частности, в ее Дальневосточном регионе) компактно проживающих этнических сообществ, приносящих с собой не только другой уклад жизни в целом, но и прочно сохраняющиеся отдельные этнокультурные особенности, кардинально отличающиеся от традиционных российских ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. К.* Этнокультурный ландшафт ламунхинских эвенов // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 8. № 11. № 11, С. 76–78.
- Артемьев А. Р.* Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2005. 202 с.
- Архив Дальневосточного отделения РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 45. Старцев А. Ф. Материальная культура удэгейцев (середина XIX — 70-е гг. XX в.). Владивосток, 1975.
- Архив Приморского центра Русского географического общества — Общества изучения Амурского края. Ф. В. К. Арсеньева. Д. 11. Путевой дневник В. К. Арсеньев № 2.
- Березницкий С. В.* Природные культовые объекты коренных народов Нижнего Амура // Вестник ДВО РАН. 1998. № 3. С. 118–125.
- Бурдье П.* Физическое и социальное пространства // Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 49–64.
- Веденин Ю. А., Кулешова М. Е.* Культурные ландшафты как категория наследия // Культурные ландшафты как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.
- Воловик В. Н.* Категории сакрального ландшафта // Географический вестник. 2013. № 4 (27). С. 26–34.
- Головнёв А. В., Киссер Т. С.* Проекция этничности коренных малочисленных народов России (по данным веб-опроса) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 80–89.
- Головнёва Е. В., Шанта И.* Визуализация сакрального в культовой скульптуре народов Приамурья (по материалам коллекций В. К. Арсеньева и Б. Баратоши) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 3. С. 145–155.
- Государство Бохай (698–920) и племена Дальнего Востока России / Ред. Э. В. Шавкунов. М.: Наука, 1994. 217 с.
- Гуров М. Б.* Агиальный сакральный ландшафт как особый тип сакрального ландшафта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4 (96). С. 35–51.
- Давыдов В. Н., Симонова В. В., Сем Т. Ю., Брандишаускас Д.* Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с. URL: https://lib.kunstkamera.ru/rubrika-top/03/03_03/978-5-88431-303-3 (дата обращения: 15.11.2021).
- Дутчак Е. Е., Васильев А. В., Ким Е. А., Полежаева Т. В.* Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
- Дьяков В. И.* Сцена шаманского камлания на Сукпайской писанице // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Институт археологии АН СССР, 1990. С. 229–230.
- Дьяков В. И., Дьякова О. В.* Новые исследования в долине реки Самарга // Россия и АТР. 2000. № 2. С. 27–34.

Дэвлет Е. Г., Ласкин Е. Г. Исследования петроглифов Сикачи-Аляна // Археологические открытия. 2017 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 514–516.

Забияко А. П. Ранний чжурчжэньский текст наскальных изображений на реке Архаре в Приамурье (история, результаты исследования и новые данные) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 3. С. 94–103.

История Золотой империи / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 288 с.

Калинина Г. Н., Тикунова С. В. Понятие и методология исследования культурного ландшафта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 10–18.

Калуцков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение. М.: Географический факультет МГУ, 2011. 112 с.

Калуцков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований / Под ред. В. Н. Калуцкова. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 6–13.

Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений гилак о-ва Сахалина // Этнография. 1929. Кн. VII. № 1. С. 78–102.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. СПб.: Институт Наследия, 2004. 620 с.

Лапицина З. С. Сакральное в первобытной культуре Приамурья // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 84–88.

Ласкин А. Р. Петроглифы Сикачи-Аляна: Историко-культурный контекст и состояние сохранности: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2015.

Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Бабаев А. Л., Судаков А. И. Петроглифы Сикачи-Аляна — уникальный памятник древнего наскального искусства на Нижнем Амуре (проблемы сохранения и использования) // Мир наскального искусства / Отв. ред. Е. Г. Дэвлет. М., 2005. С. 154–162.

Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Гринько А. Е., Свойский Ю. М., Романенко Е. В. Новые результаты документирования петроглифов и моделирования сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2. С. 244–255.

Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г., Левченко А. В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 106–121.

Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образцы парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. 352 с.

Лукина О. Р., Пахомова Л. С. Районирование сакральных ландшафтов Якутии // Успехи современного естествознания. 2019. № 12. С. 83–88.

Мазин А. И., Окладников А. П. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Мальцева О. В. Нанайцы в промышленном районе Приамурья: модель освоения пространства и поиск идентичности // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 161–177.

Мамонтова Н. А. Снежный ландшафт эвенкийской тайги: Традиционные экологические знания vs научный дискурс // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 230–243.

Мастеница Е. Н. Культурный ландшафт как объект наследия: подходы к изучению и проблемы сохранения в музеях под открытым небом // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2 (18). С. 42–51.

Медведев В. Е. Восход и Расцвет Золотой империи чжурчжэней // Наука из первых рук. 2015. № 5–6 (65–66). С. 172–195.

Медведев В. Е. Культура амурских чжурчжэней: конец X — XI вв. (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Медведев В. Е. Некоторые результаты исследований поселений и городищ эпохи чжурчжэней Приамурья (VIII–XIII вв.) // Средневековые древности Приморья. Вып. 2. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 56–66.

Медведев В. Е. О чжурчжэньской государственности в российском Приамурье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая: доклады двух междунар. научно-практ. конф., Благовещенск, 12.05.2018 — 17–18.09.2020 гг. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. С. 7–20.

Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982. 327 с.

Окладников А. П. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья // Советская этнография. 1959. № 2. С. 38–47.

Окладников А. П. Лики древнего Амура: Петроглифы Сакачи-Аялна. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 238 с.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

Окладникова Е. А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 186 с.

Пахомова Л. С., Лукина О. Р. Сакральные ландшафты Олекминского и Ленского районов // Вестник СВФУ. Серия «Науки о Земле». 2018. № 4 (12). С. 72–80.

Пермикин Г. М. Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив // Записки Сибирского отделения Русского географического общества. Кн. 2. Отд. 1. 1856.

Поворознюк О. А. Культурный ландшафт и адаптация в современных условиях российского Севера (на примере читинских эвенков) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / Под ред. Д. А. Функа. М.: Наука, 2007. Вып. 33. С. 188–208.

Поворознюк О. А. Рецензия на сб. статей «Landscape and culture in Northern Eurasia» / Peter Jordan (ed.). Walnut Creek, CA: Left Coast Press, Inc., 2011. 358 p. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 310–317.

Подмаскин В. В. Древние представления о тигре и леопарде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина как историко-этнографический источник // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 120–126.

ПМА 2021 — Полевые материалы автора, собранные в Нанайском районе Хабаровского края в 2021 г.

Постановление главы Ванинского района от 29.08.2003 № 304 «Об организации памятника природы «Скалы Нанайка и Богомол». URL: <https://zakon-region3.ru/5/197644/> (дата обращения: 07.06.2021).

Сем Т. Ю. Амурский соляной миф: генезис и этнокультурные связи // Лингвистические вопросы североведения: тезисы докладов и сообщений Герценовских чтений 1993/1994 г. СПб.: Образование, 1997. С. 66–67.

Сем Т. Ю., Окладникова Е. А. «Миф о трех солнцах»: семантика и визуальная репрезентация в монументальном искусстве Древней Евразии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. Якутск, 2021. № 1. С. 8–17.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. I. Л.: Наука, 1975. 672 с.

Степанов А. В. О месте. Этнофеноменологический очерк // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 199–220.

Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов (середина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1975. 238 с.

Таксами Ч. М. Представления о природе и человеке у нивхов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л.: Наука, 1976. С. 203–217.

Топоров В. Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). М.: Индрик, 2004. С. 12–106.

Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Янишина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 248 с.

Anderson D. G. Local Healing Landscapes // The Healing Landscapes of Central and Southeastern Siberia. Patterns of Northern Traditional Healing Series 1 / Ed. by D. G. Anderson, R. P. Wishart, V. Vaté. Edmonton: CCI Press, 2013. P. 1–12.

Berezniisky S. V. Forest Problems in Today's Culture of the Khor Udeghe // Russia County Report. IGES Forest Conservation Project / Ed. by H. Kakizawa. Yokohama, Japan: Published by Institute for Global Environmental Strategies, 2004. P. 120–134.

Casey E. S. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? // Annals of the Association of American Geographers. 2001. Vol. 91. № 4. P. 683–693.

Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction // Landscape and Culture in Northern Eurasia / Ed. by P. Jordan. London: Walnut Creek: Left Coast Press, Publications of the Institute of Archaeology, University College London, 2011. P. 17–48.

Landscape and Culture in Northern Eurasia / Ed. by P. Jordan. London: Walnut Creek: Left Coast Press, Publications of the Institute of Archaeology, University College London, 2011.

Lavrillier A. The Creation and Persistence of Cultural Landscapes Among the Siberian Evenkis: Two Conceptions of “Sacred” Space // Landscape and Culture in Northern Eurasia / Ed. by P. Jordan. London: Walnut Creek: Left Coast Press, Publications of the Institute of Archaeology, University College London, 2011. P. 215–231.

Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human In-teractions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg; Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.

Mark D. M., Turk A. G., Stea D. Ethnophysiography of Arid Land: Categories for Landscape Features // Landscape Ethnoecology: Concepts of Biotic and Physical Space / Ed. L. M. Johnson, E. S. Hunn. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 27–45.

Sauer K. The Morphology of Landscape // University of California publications in Geography. 1925. Vol. 2. № 2. P. 19–53.

REFERENCES

Alekseeva E. K. [Ethnocultural landscape of the Lamunkhin Evens]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Achievements of modern science and education], 2016, vol. 8, no. 11, pp. 76–78. (In Russian).

Anderson D. G. Local healing landscapes. The healing landscapes of Central and Southeastern Siberia. *Patterns of northern traditional healing series 1*. Ed. by D. G. Anderson, R. P. Wishart, V. Vaté. Edmonton: CCI Press, 2013, pp. 1–12. (In English).

Artemyev A. R. *Buddijskie hramy 15 v. v nizov'yah Amura* [Buddhist temples of the 15 century in the lower reaches of the Amur]. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS Publ., 2005. (In Russian).

Berezniitsky S. V. [Natural cult objects of the indigenous peoples of the Lower Amur]. *Vestnik DVO RAN* [Vestnik DVO RAS], 1998, no. 3, pp. 118–125. (In Russian).

Berezniitsky S. V. *Forest problems in today's culture of the Khor Udeghe. Russia County Report. IGES Forest Conservation Project*. Ed. by H. Kakizawa. Japan, Yokohama: Published by Institute for Global Environmental Strategies, 2004, pp. 120–134. (In English).

Bourdieu P. Physical and social spaces. Bourdieu, P. *The Sociology of social space*. Per. with fr. N. A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2007, pp. 49–64. (In Russian).

Casey E. S. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? *Annals of the Association of American Geographers*, 2001, vol. 91, no. 4, pp. 683–693. (In English).

Davydov V. N., Simonova V. V., Sem T. Yu., Brandishauskas D. *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkiiskikh landshaftakh. Otnosheniia cheloveka i prirody v Baikalskoi Sibiri* [Fire, water, wind and stone in the Evenk landscapes. Relations between man and nature in Baikal Siberia]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2016. (In Russian).

Devlet E. G., Laskin E. G. [Studies of Sikachi-Alyan petroglyphs]. *Arkheologicheskie otkrytiia* 2017. [Archaeological Discoveries 2017]. Moscow, 2019, pp. 514–516. (In Russian).

Dutchak E. E., Vasiliev A. V., Kim E. A., Polezhaeva T. V. [The Orthodox landscape of taiga Siberia: the concept of research]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2013, no. 1, pp. 79–90. (In Russian).

Dyakov V. I., Dyakova O. V. [New studies in the valley of the Samarga River]. *Rossia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region], 2000, no. 2, pp. 27–34. (In Russian).

Eliade M. *Izbrannye sochineniia: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvol; Sviashchennoe i mirskoe* [Selected works: The myth of eternal return; Images and symbols; Sacred and secular]. Moscow: Ladomir Publ., 2000. (In Russian).

Eliade M. *Sviashchennoe i mirskoe* [Sacred and secular]. Moscow: Publishing house of Moscow State University Publ., 1994. (In Russian).

Golovnev A. V., Kisser T. S. [Ethnicity projections of the of the Indigenous minorities peoples of Russia (web survey data)]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2021, no. 2 (71), pp. 80–89. (In Russian).

Golovneva E. V., Shanta I. [Visualization of the sacred in the cult sculpture of the peoples of the Amur region (based on the materials of the collections of V. K. Arsenyev and B. Baratoshii)]. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture* [Proceedings of the Ural Federal University], 2019, vol. 25, no. 3, pp. 145–155. (In Russian).

Gosudarstvo Bohaj (698–920) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii [The State of Bohai (698–920) and the tribes of the Russian Far East]. Moscow: Nauka Publ., 1994. (In Russian).

Gurov M. B. [Agial sacred landscape as a special type of sacred landscape]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2020, no. 4 (96), pp. 35–51. (In Russian).

Istoriya Zolotoj imperii [The History of the Golden Empire]. Ed. by V. E. Larichev. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of History and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. (In Russian).

Jordan P. *Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction. Landscape and Culture in Northern Eurasia*. Ed. by P. Jordan. London: Walnut Creek: Left Coast Press, Publications of the Institute of Archaeology, University College London, 2011, pp. 17–48. (In English).

Kalinina G. N., Tikunova S. V. [The concept and methodology of the study of the cultural landscape]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2018, no. 5 (85), pp. 10–18. (In Russian).

Kalutskov V. N. [Ethnocultural landscape studies and the concept of a cultural landscape]. *Kul'turnyi landshaft: voprosy teorii i metodologii issledovaniia* [Cultural landscape: questions of theory and methodology of research]. Ed. by V. N. Kalutskov. Smolensk: Publishing house of SSU, 1998, pp. 6–13. (In Russian).

Kalutskov V. N. *Etnokul'turnoe landshaftovedenie* [Ethnocultural landscape studies]. Moscow: Geographical Faculty of Moscow State University Publ., 2011. (In Russian).

Kreinovich E. A. [An essay on cosmogonic representations of Gilyak Island of Sakhalin]. *Ethnography* [Etnografia], 1929, book 7, no. 1, pp. 78–102. (In Russian).

Kul'turnyi landshaft kak obekt naslediiia [Cultural landscape as a heritage object]. Ed. by Yu. A. Vedenin, M. E. Kuleshova. St. Petersburg: Institute of Heritage Publ., 2004. (In Russian).

Landscape and culture in Northern Eurasia. Ed. by P. Jordan. London: Walnut Creek: Left Coast Press, Publications of the Institute of Archaeology, University College London, 2011. (In English).

Lapshina Z. S. [Sacred in the primitive culture of the Amur region]. *Rossia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region], 2005, no. 3, pp. 84–88. (In Russian).

Laskin A. R., Devlet E. G., Babaev A. L., Sudakov A. I. [Petroglyphs of Sikachi-Alyan — a unique monument of ancient rock art on the Lower Amur (problems of conservation and use)].

Mir naskal'nogo iskusstva [World of Rock art]. Ed. by E. G. Devlet. Moscow, 2005, pp. 154–162. (In Russian).

Laskin A. R., Devlet E. G., Grinko A. E., Svoiskiy Yu. M., Romanenko E. V. [New results of documenting petroglyphs and modeling sacred landscapes of rock art monuments of the Far East]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], 2018, no. 2, pp. 244–255. (In Russian).

Latushko Yu. V., Samar A. P., Belaya E. G., Levchenko A. V. [Historical and cultural landscapes of the Amur in modern Nanai culture (based on the materials of a field study in 2019)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* [Oikumena. Regional studies], 2019, no. 4, pp. 106–121. (In Russian).

Lavrillier A. *The creation and persistence of cultural landscapes among the Siberian Evenkis: Two conceptions of "sacred" space. Landscape and culture in Northern Eurasia*. Ed. by P. Jordan. London: Walnut Creek: Left Coast Press, Publications of the Institute of Archaeology, University College London, 2011, pp. 215–231. (In English).

Lavrillier A., Gabyshev S. *An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human In-teractions: Evenki Reindeer Herders and Hunters*. Fürstenberg; Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien Publ., 2017. (In English).

Lidov A. M. *Ierotopiia. Prostranstvennye ikony i obraztsy paradigmy v vizantiiskoi kul'ture* [Hierotopia. Spatial icons and paradigm patterns in Byzantine culture]. Moscow: Design. Information. Cartography Publ., 2009. (In Russian).

Lukina O. R., Pakhomova L. S. [Zoning of sacred landscapes of Yakutia]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia* [Successes of modern natural science], 2019, no. 12, pp. 83–88. (In Russian).

Maltseva O. V. [Nanaytsy in the industrial area of the Amur region: a model of space development and the search for identity]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2018, no. 1, pp. 161–177. (In Russian).

Mamontova N. A. [The snowy landscape of the Evenk Taiga: Traditional ecological knowledge vs Scientific discourse]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2017, no. 4, pp. 230–243. (In Russian).

Mark D. M., Turk A. G., Stea D. *Ethnophysiography of arid land: Categories for landscape features. Landscape ethnoecology: Concepts of biotic and physical space*. Ed. L. M. Johnson, E. S. Hunn. New York; Oxford: Berghahn Books Publ., 2010, pp. 27–45. (In English).

Mastenitsa E. N. [Cultural landscape as a heritage object: approaches to studying and problems of preservation in open-air museums]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2015, no. 2 (18), pp. 42–51. (In Russian).

Mazin A. I., Okladnikov A. P. *Pisanitsy basseina reki Aldan* [Pisanitsy of the Aldan River basin]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979. (In Russian).

Medvedev V. E. [Some results of research of settlements and settlements of the Jurchen epoch of the Amur region (8–13 centuries)]. *Srednevekovye drevnosti Primor'ia* [Medieval antiquities of Primorye]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2012, vol. 2, pp. 56–66. (In Russian).

Medvedev V. E. Voskhod i rastsvet Zolotoi imperii Chzhurchzhenei [The Rise and Rise of the Golden Empire of the Jurchens]. *Science from the first hands*, 2015, no. 5–6 (65–66), pp. 172–195. (In Russian).

Medvedev V. E. *Kul'tura amurskikh chzhurchzhenei: konets 10–11 vv. (po materialam grun-tovykh mogil'nikov)* [Culture of the Amur Jurchens: the end of the 10–11 centuries (based on the materials of ground burial grounds)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1977. (In Russian).

Nikitina M. I. *Drevniaia koreiskaia poeziia v sviazi s ritualom i mifom* [Ancient Korean poetry in connection with ritual and myth]. Moscow: Nauka Publ., 1982. (In Russian).

Okladnikov A. P. [Ancient Amur petroglyphs and modern ornamentation of the peoples of the Amur region]. *Sovietskaya ethnographiya* [Soviet ethnography], 1959, no. 2, pp. 38–47. (In Russian).

Okladnikov A. P. *Liki drevnego Amura: Petroglify Sakachi-Aliana* [Faces of the ancient Amur: Petroglyphs of Sakachi-Alyan]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1968. (In Russian).

Okladnikov A. P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad: Nauka Publ., 1971. (In Russian).

Okladnikova E. A. *Sakral'nyi landshaft: teoriia i empiricheskie issledovaniia* [Sacred landscape: theory and empirical research]. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2014. (In Russian).

Pakhomova L. S., Lukina O. R. [Sacred landscapes of the Olekminsky and Lensky districts]. *Vestnik Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North-Eastern Federal University. The series "Earth Sciences"], 2018, no. 4 (12), pp. 72–80. (In Russian).

Podmaskin V. V. [Ancient ideas about the tiger and the leopard among the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin as a historical and ethnographic source]. *Manuscript* [Manuscript], 2020, vol. 13, № 12, pp. 120–126. (In Russian).

Povoroznyuk O. A. [Cultural landscape and adaptation in modern conditions of the Russian North (on the example of the Chita Evenks)]. *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovyie problemy* [Races and peoples: modern ethnic and racial problems]. Ed. by D. A. Funk. Moscow: Nauka Publ., 2007, vol. 33, pp. 188–208. (In Russian).

Povoroznyuk O. A. [Review of the collection of articles] "Landscape and culture in Northern Eurasia". Ed. by P. Jordan. 2011. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, Inc., 2011. 358 p. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2016, no. 4, pp. 310–317. (In Russian).

Sauer K. Morphology of Landscape. *University of California Publications in Geography*. 1925, vol. 2, no 2, pp. 19–53. (In English).

Sem T. Yu. [The Amur solar myth: genesis and ethno-cultural connections]. *Lingvisticheskie voprosy severovedeniia* [Linguistic issues of Northern Studies]: Abstracts of reports and reports of the Herzen readings 1993/1994. St. Petersburg: "Education" Publ., 1997, pp. 66–67. (In Russian).

Sem T. Yu., Okladnikova E. A. ["The Myth of the Three Suns": semantics and visual representation in the monumental art of Ancient Eurasia]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin], 2021, no. 1, pp. 8–17. (In Russian).

Stepanov A. V. [About the place. Ethnophenomenological essay]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2016, no. 28, pp. 199–220. (In Russian).

Taksami Ch. M. [Representations of nature and man among the Nivkhs]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniakh narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina 19 — nachalo 20 v.)* [Nature and man in the religious representations of the peoples of Siberia and the North (the second half of the 19 — beginning of the 20 century)]. Ed. by I. S. Vdovin. Leningrad: Nauka Publ., 1976, pp. 203–217. (In Russian).

Taksami Ch. M. *Osnovnye problemy etnografii i istorii nivkhov (seredina 19 — nachalo 20 v.)* [The main problems of ethnography and history of the Nivkhs (mid-19 — early 20 century)]. Leningrad: Nauka Publ., 1975. (In Russian).

Toporov V. N. [On the concept of a place, its internal connections, its context (meaning, meaning, etymology)]. *Iazyk kul'tury: semantika i grammatika* [Language of culture: semantics and grammar. To the 80th anniversary of the birth of Academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)]. Moscow: Indrik Publ., 2004, pp. 12–106. (In Russian).

Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. [Cultural landscapes as a category of heritage]. *Kul'turnye landshafty kak ob'ekt nasledii* [Cultural landscapes as a heritage object]. Ed. by Yu. A. Vedenin, M. E. Kuleshova. Moscow: Institute of Heritage; St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2004, pp. 13–36. (In Russian).

Volovik V. N. [Categories of the sacred landscape]. *Geograficheskii vestnik* [Geographical Bulletin], 2013, no. 4 (27), pp. 26–34. (In Russian).

Yanshina E. M. *Formirovanie i razvitie drevnekitaiskoi mifologii* [Formation and development of ancient Chinese mythology]. Moscow: Nauka Publ., 1984. (In Russian).

Zabiyako A. P. [The early Jurchen text of rock carvings on the Argali River in the Amur region (history, research results and new data)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2019, vol. 47, no. 3, pp. 94–103. (In Russian).

Submitted: 27.07.2021

Accepted: 29.08.2021

Published: 15.12.2021